

A composite image featuring a lunar surface in the foreground with a dark sea and distant mountains in the background. In the upper right, a large, detailed Earth is visible against the blackness of space. An astronaut in a white NASA spacesuit with an American flag patch is walking towards the viewer. To the right, a lunar lander with a red star on its side is parked on the surface.

Василий Драгослав

Море ясности

Его шестьдесят лет
пронеслись за полчаса

18+

Василий Драгослав

Море ясности

<https://litres.ru/74568089>

SelfPub; 2026

Аннотация

1969 год. Луна. Миссия «Аполлон-11». В результате аномалии астронавт Майкл О'Брайен остаётся один на поверхности Моря Ясности. Модуль сломан. Связь молчит. Кислорода — на три часа. Его бросили.

Через полчаса его спасает российская экспедиция. Однако становится ясно: за эти тридцать минут прошло шестьдесят лет. Те, кто вошли с ним в контакт, начинают стремительно стареть. Американец угодил во временной цикл — и стал опасен.

Перед космонавтами жёсткий выбор: спастись — или ценой своей жизни защитить планету от угрозы ускоренного биологического старения.

Только они не знают того, что О'Брайен застрял во временном цикле. Что он уже не первый раз улетает с ними с Луны. И не второй.

Они думают, что спасают его. Он знает, что это не так. Но всё равно идёт к ним. Потому что не может иначе.

«Море Ясности» — это история о сложном выборе, за который приходится платить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Аномалия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Василий Драгослав

Море ясности

Пролог

Луна молчала.

Майкл О'Брайен стоял на серой поверхности и смотрел, как модуль «Орёл» уходит в чернильное небо. Вспышка двигателей — белая, как удар молнии в пустоте. Потом модуль стал точкой. Затем исчез.

Его бросили.

Он провёл большим пальцем по циферблату часов. Omega Speedmaster. Стрелка застыла на 14:32. Он помнил, как заводил их перед выходом — чувствовал кожей, как они вибрируют, словно живое сердце. Теперь вибрации не было. Только дрожь — едва заметная, как у маятника, который не может качнуться.

На обратной стороне часов — гравировка: «Сьюзен и Кэтлин. Я люблю вас».

Он закрыл глаза. Сьюзен, восемь лет. Тёмные глаза, серьёзный взгляд. «Папа, а почему на Луне нет травы?» Кэтлин, пять. Светлые волосы, улыбка, которая согревала даже в самый холодный день. «Ты скоро вернёшься?»

— Вернусь, — сказал он в тишину. — Я же обещал, де-

вочки.

Тишина не отвечала.

Он сел на реголит. Вокруг — серая пустыня, усеянная кратерами, как лицо старика, покрытое оспинами. Горизонт чёткий, резкий, без смягчения атмосферы. Земля висела в небе — голубая, живая, пульсирующая. Он смотрел на родную планету и чувствовал, как что-то внутри сжимается. Она была так близко. И так далеко.

У него всего три часа кислорода.

Он помнил вспышку. Белый свет, который поднялся из грунта — в центре Моря Ясности. Столб, ровный, как лезвие. Свет был плотным, почти материальным. Майкл не успел поднять руку — какая-то сила швырнула его на реголит. Удар был такой, что стекло часов пошло трещинами. Стрелка дёрнулась и замерла. Потом свет погас. Так же внезапно, как появился.

Он поднялся. Модуль стоял в сотне шагов — целый, невредимый. Но когда он нажал на пуск, двигатели молчали. Ни звука, ни вибрации, ни вспышки. Как будто умер.

Он попробовал ещё раз. Потом ещё.

Ничего.

— Хьюстон, — сказал он в рацию. — Хьюстон, я на поверхности. Повторяю — я на поверхности. «Орёл» улетел. Мой модуль вышел из строя. Я остался здесь. Нужна помощь.

Тишина. Только шипение статического электричества в

наушниках.

О'Брайен посмотрел на часы. Провёл пальцем по циферблату — словно это могло помочь, оживить стрелку. Главная стрелка едва заметно дрожала, будто пыталась сдвинуться с места. Её что-то держало. Время не просто остановилось. Оно вибрировало в одной точке. Колебалось.

— Ну уж нет, — сказал он в невозмутимую пустоту, словно нашёл в ней внимательного собеседника. — Я вернусь. Я обещал своим девочкам, что папа вернётся. Так и будет.

Мысли откатились назад. Он помнил запах — озона, нагретого камня, чего-то ещё, чего не мог описать. Этого не могло быть. Но он чувствовал его также явственно, как и свой пульс. Возможно, галлюцинация.

Он огляделся. Море Ясности простиралось вокруг — ровное, гладкое, без единой трещины. Только лёгкая рябь напоминала о том, что здесь когда-то была лава.

У него было три часа кислорода. Три часа, чтобы понять, что произошло, и найти решение. Или три часа, чтобы умереть в этом безлюдном лунном мешке.

Глава 1. Аномалия

Звездолёт «Заря» летел над поверхностью Луны. Красная звезда на металлическом теле. Корпус оцетинился композитными материалами, которые не давали бликов. Казалось, «Заря» стала частью космоса: холодного, безжизненного, вечного.

Алексей Горбунов сидел в командирском кресле и крутил на пальце обручальное кольцо — привычка, от которой не мог избавиться уже десять лет. Кольцо было гладким, потёртым, выдавшим виды. Как и его брак.

— Сигма, — сказал он. — Статус систем.

«Все системы в норме. Обнаружена магнитная аномалия в районе Моря Ясности. Температурный фон меняется. Зафиксированы нестабильности гравитационного поля — локальные флуктуации, не соответствующие известным моделям».

— Что не так с гравитацией? — Николай Степанов снял очки, протёр линзы о рукав.

Он был лысым, с седой бородкой и усталыми глазами человека, который слишком многое повидал в операционных, чтобы рассказывать об этом. Каждое утро он проверял телефон — нет ли пропущенного от сына. Уже год.

— На Луне не может быть нестабильности гравитационных полей, — сказал он. — Это пустыня. Мёртвая.

«Вы ошибаетесь, доктор. Море Ясности только выглядит безжизненным. Данные указывают на аномальную активность поверхности».

— Может, сейсмическая активность? — спросила Наталья Верещагина.

Невысокая, коротко стриженные русые волосы, серые глаза с лёгкой иронией. На панели перед ней — фотография кота. Серый, полосатый, спит на подушке. Юрка. Назван в честь Гагарина. Она машинально гладила пальцем край фотографии.

«Исключено. Поверхность здесь сейсмически стабильна. Аномалия имеет другую природу».

Горбунов посмотрел в иллюминатор. Луна выглядела огромной, серой, безжизненной. Кратеры, горы, долины — всё это напоминало застывшую волну, которая так и не разбилась о невидимый берег.

— Приготовиться к посадке, — сказал он.

«Принято, командир. Начинаю снижение».

Корабль медленно опускался. В иллюминаторе — Море Ясности. Ровное, гладкое, без единой трещины.

— Это похоже на лёд, — сказала Верещагина. — Или на стекло. Старое, потрескавшееся стекло.

— Я бы сказал — на мёртвую кожу, — буркнул Степанов.

Посадка была мягкой. «Заря» коснулась поверхности, подняв облако серой пыли, которое медленно осело в вакууме.

— Мы на месте, — констатировала Верещагина.

Они надели скафандры. Верещагина поправила перчатки. Степанов застегнул все замки и постучал по стеклу шлема.

— Ты уверен, что хочешь выйти первым? — спросил он у Горбунова.

— Я всегда выхожу первым. Это моя работа.

Они открыли люк. Лунный свет — резкий, белый, без рассеивания — ударил им в глаза. Вокруг простиралось Море Ясности. Оно было пустым. Казалось, что в нём дремало что-то зловещее. Чужое.

— Впечатляет, — сказала Верещагина.

— Хоть бы одну яблоньку найти, — нервно пошутил Степанов.

— Яблоньку? — Верещагина усмехнулась. — Коля, здесь даже картошка не вырастет. Разве что лунная.

Степанов фыркнул. Коротко. Почти беззвучно. Потом замолчал. Все замолчали.

Они начали работать. Верещагина взяла пробу грунта. Степанов установил приборы. Горбунов приготовил разведывательный дрон.

И тогда они увидели его.

Фигура появилась из-за кратера. Она двигалась медленно, неуклюже, как человек, который не привык к лунной гравитации. На ней был старый скафандр — белый, потёртый. Надпись «NASA» и эмблема флага США.

— Сигма, — сказал Горбунов. — Кто это?

«Обнаружен движущийся объект. Анализ скафандра указывает на аппарат „Аполлон-11“. Вероятность ошибки — 0,01%».

— Аполлон-11? — переспросил Степанов. — Это же 1969 год.

— Шестьдесят лет назад, — пробормотала изумлённо Верещагина.

Фигура приближалась. Остановилась в двадцати шагах.

— Рация, — сказал Горбунов. — Включите общий канал.

В наушниках послышалось шипение. Потом — голос. Хриплый, сбитый, но живой. Английская речь.

«Вы слышите меня? Я астронавт Майкл О'Брайен. Миссия „Аполлон-11“. Мне нужна помощь».

Горбунов сделал шаг вперёд.

— Майкл. Мы — российский звездолёт «Заря». Мы поможем вам. Подходите.

О'Брайен смотрел на них. Он слышал этот голос. Он знал эти лица. Он помнил, что будет дальше. Но он не знал, как это остановить. Ему не верилось, что он видит это снова. Отчаяние душило его. Разум командовал: беги. Но слепые инстинкты тянули его к «Заре», к русским. Снова.

Он колебался. Шаг вперёд. Потом назад.

— Сколько вы здесь? — спросил Горбунов.

«Я не знаю. Мои часы показывают 14:32. Они остановились. Но отсчитывал время про себя. С момента отлёта Нила и Базза прошло минут тридцать».

— Какого вы года рождения, Майкл? — спросил Степанов. В его голосе появилась настороженность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.